

- Johanson L.* Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems. (Studia Turcica Upsaliensia 1): Монография. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1971. 334 с.
- Johanson L.* Zum Präsens der nordwestlichen und mittelasiatischen Türksprachen // Acta Orientalia. 1976. № 37. С. 57–74.
- Johanson L.* Türkeitürkische Aspektotempora // Tense systems in European languages / R. Thieroff, J. Ballweg. Tübingen: Niemeyer, 1994. С. 247–266.
- Nasilov D.M., Israkova X., Safaro, Š., Nevskaya I.A.* Imperative sentences in Turkic languages // Typology of imperative sentences / V.S. Xrakovskij. München: Lincom Press, 2001. С. 181–220.
- Nevskaya I.* Inclusive and exclusive in Turkic languages. Chapter 12. // Clusivity. Typology and case studies of the inclusive-exclusive distinction. (Typological Studies in Language, 63) / E. Filimonova. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005. С. 341–359.
- Nevskaya I., Šalamaj O.* Renewal of focal intraterminals in Shor dialects // Turkic languages. 2009. Volume 13, Number 1. С. 61–78.
- Radloff W.* Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens (= Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи: В 7 т. СПб., 1866–1896.
- Radloff W.* Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. Th. I: Phonetik. Leipzig: T. O. Weigel, 1882. 326 с.
- Radloff W.* Versuch eines Wörterbuches der Türkdialecte: (В 8 т.). СПб., 1888–1911.
- Schönig C.* Diachronic and areal approach to the Turkic imperative paradigm // Utrecht Papers on Central Asia. (Utrecht Turcological Series 2) / M. van Damme, H. Boeschoten. Utrecht: Institute of Oriental Languages, 1987. С. 205–222.

Мальцева А.А.

Комитативные формы и конструкции в чукотско-корякских языках²

Аннотация. В статье рассматриваются функции и частотность комитативных форм и конструкций в трех языках чукотско-корякской семьи (чукотском, корякском, алуторском) от начала документации этих языков до настоящего времени. Материалом исследования послужила выборка из оригинальных и переводных опубликованных текстов, фольклорных и бытовых архивных и собственных экспедиционных записей, а также газетных текстов. Выявлено, что под влиянием русского языка в чукотском и корякском языках частотность аналитических комитативных конструкций возрастает. Наряду с ростом аналитизма во всех чукотско-корякских языках наблюдается общее разрушение функционального распределения форм и конструкций: как синтетические комитативные формы, так и аналитические конструкции начинают использоваться в прежде несвойственных им функциях, в рамках комитативных циркумфиксов появляются контаминации префиксов и постфиксов, отсутствовавшие в исконной системе, комитативные синтетические формы комбинируются с адпозитивным наречием.

The article examines functions and frequency of the comitative forms and constructions in the three languages of the Chukchi-Koryak family (Chukchi, Koryak, Alutor) from the beginning of their documentation to date. Data sampling includes original and translated published texts, folklore archival and own field data, as well as newspaper texts.

Under the Russian influence in Chukchi and Koryak the frequency of analytic comitative constructions increases. Along with this process, in all Chukchi-Koryak language the general destruction of the functional distribution of the comitative forms and constructions is taking place: both synthetic form and analytical constructions are being used in the above non-core functions, there are new prefixes and suffixes contaminations within comitative circumfix, comitative forms can combine with adpositions.

Ключевые слова: чукотско-корякские языки, грамматика, комитатив, послелог, адпозитивное наречие, языковые контакты.

Chukchi-Koryak languages, grammar, comitative, postposition, adposition, language contacts.

УДК: 811.551+81'367.

Контактная информация: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8, Институт филологии СО РАН, сектор языков народов Сибири. Тел.: (383) 330-84-69. E-mail: alla.maltseva@mail.ru.

Чукотско-корякские языки обладают богатой подсистемой средств выражения комитативности: в каждом языке имеется несколько синтетических комитативных форм, а также, в зависимости от языка,

² Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (2012–2014 гг.). Направление 4 «Тексты традиционной культуры в перспективе культурной эволюции». Проект «Пути развития младописьменных языков Сибири и Дальнего Востока и их отражение в фольклоре и художественной литературе» (руководитель д-р филол. наук Н.Н. Широкова).

послелог или адпозитивное наречие со значением ‘вместе с’, которое может функционировать в качестве послелого или предлога.

1. Синтетические комитативные формы

Комитативные формы, наряду с отрицательными, или антикомитативными, в чукотско-корякских языках составляют специфическую подсистему синтетических транскатегориальных форм.

Традиционно комитативы, образованные от именных основ, в отличие от отрицательных форм, включаются в падежную парадигму. Однако они как в структурном, так и в функциональном плане отличаются от падежных форм. Структурное отличие комитативов (и антикомитативов) заключается в том, что они оформляются циркумфиксальными показателями, падежные показатели в чукотско-корякских языках всегда постфиксальны.

Общим показателем всех комитативных форм является инициаль $\gamma e-$ / $\gamma a-$ (варианты по гармонии гласных характерны для чукотского, корякского и южных диалектов алюторского языка). Имеются также производные формы, содержащие дополнительную, синхронно уже неотделимую морфему: $\gamma e-(jq)-$ / $\gamma a-(jq)-$ / $\gamma eq-$ предположительно содержит морфему $jq-$ ‘быстрый’, а префиксальная часть $\gamma aw\text{a}\text{n}-$ – морфему $aw\text{a}\text{n}-$ ‘уже, действительно’.

В качестве постфиксальной части может использоваться либо показатель инструменталиса $-(t)e$ / $-(t)a$ (при вокалическом ауслaute основы используется полный вариант, при консонантном – усеченный), либо показатель формы одновременности $-ta$, преимущественно употребляющийся с глагольными основами, формируя конверб с семантикой одновременного действия. Возможно также его присоединение к именным основам с пропозитивной семантикой (*праздник, собрание*).

В таблице 1 представлены различные комбинации префиксов и постфиксов, зафиксированные в текстах на трех языках. Условно все они называются комитативами, для удобства им присвоены цифровые индексы.

Таблица 1

Комитативные формы в чукотско-корякских языках³

Комитативные формы		Чукотский язык		Корякский язык		Алюторский язык	
		Tn	Tv	Tn	Tv	Tn	Tv
COM ₁	$\gamma e = - = te$ / $\gamma a = - = ta$	+	+	+	+	+	+
COM ₂	$\gamma a = - = ma$	+	(+)	(+)	(+)	(+)	–
COM ₃	$(\gamma)a-(a)w\text{a}\text{n} = - = ma$	(+)	(+)	+	–	+	–
COM ₄	$\gamma e-jq = - = te$ / $\gamma a-jq = - = ta$ / $\gamma eq = - = ta$	(+)	(+)	+	+	+	+
COM ₅	$\gamma a = - = ?a$	–	–	–	–	(+)	(+)
COM ₆	$(\gamma)a-(a)w\text{a}\text{n} = - = ta$	–	(+)	(+)	–	(+)	(+)
COM ₇	$\gamma a-jq = - = ma$	(+)	–	(+)	(+)	–	–

Функционально комитативы выражают не актантные или сирконстантные отношения, как другие падежные формы. Их назначение – маркировать свернутые пропозиции.

Далее кратко рассматривается история выделения комитативных форм в грамматических описаниях чукотско-корякских языках.

1.1. Чукотский язык

В своей первой англоязычной работе, посвященной грамматике чукотско-корякских языков, В.Г. Богораз говорил о наличии в чукотском языке комитатива с двумя циркумфиксами: $\gamma(e)-$ / $\gamma(a)-$ – $-(t)e$ / $-(t)a$ и $\gamma a-$ – $-ta$ [Bogoras 1922: 793–794]. Позднее В.Г. Богораз также выделял один сопроводительный падеж с двумя формами: с циркумфиксом $\gamma e-$ / $\gamma a-$ – $-te$ / $-ta$ для единственного числа и циркумфиксом $\gamma a-$ – $-ta$ для множественного числа [1934: 20].

В работах П.Я. Скорика выделяются два «префиксально-суффиксальных» падежа со значением совместности, которые появились сравнительно позднее прочих падежных форм: совместный (социатив) и сопроводительный (комитатив) [1986: 107]. Совместный падеж с циркумфиксом $\gamma e-$ / $\gamma a-$ – $-te$ / $-ta$ выражает совместность участия в действии данного предмета, обычно одушевленного, который может выполнять любую роль в ситуации, с единичным предметом [Скорик 1961: 167–169]. Неодушевленное опорное имя возможно при субъекте длительного или нереального действия [Там же: 169].

³ Знак (+) обозначает незначительное количество таких примеров в текстах.

Сопроводительный падеж с циркумфиксом $\gamma a-$ – $-ta$ выражает «подчиненную совместность», обозначая предмет, который в момент совершения действия находится при предмете, обозначенном опорным одушевленным или неодушевленным существительным. При существительных с семантикой вместилища сопроводительный падеж обозначает его наполнение жидким или сыпучим веществом [Там же: 170].

М. Данн также выделяет в чукотском языке два сопроводительных падежа (*accompaniment cases*) – комитатив и ассоциатив. Использование комитатива с циркумфиксом $\gamma e-$ / $\gamma a-$ – $-te$ / $-ta$ подчеркивает равноправие двух аргументов, отсутствие отношений часть–целое или каких-либо иных иерархических отношений. Ассоциатив, маркером которого является циркумфикс $\gamma a-$ – $-ma$, напротив, обозначает коаргумент, который представляет собой часть или, чаще, принадлежит основному аргументу. По мнению М. Данна, комитатив встречается сравнительно редко – реже, чем ассоциатив [Dunn 1999: 166].

А.П. Володин рассматривает данные формы как подкласс предикативов: Комитатив I и Комитатив II соответственно [Kämpfe, Volodin 1995: 53–54]. По мнению А.П. Володина, предикативы сформировались в чукотско-корякских языках «до формирования систем финитного глагола <...> и имени...» [2005: 19]. Комитатив не может относиться к падежной парадигме, поскольку выражает не предикатно-актантные, а «предикатно-предикатные отношения, но в свернутом виде» [Там же: 22], его функция – зависимый предикат [Володин, Скорик 1997: 32]. Комитатив I с циркумфиксом $\gamma e-$ / $\gamma a-$ – $-te$ / $-ta$ представляет комитативные ситуации, в которых участники, различаясь по степени активности / одушевленности, сохраняют свою самостоятельность. Комитатив II с циркумфиксом $\gamma a-$ – $-ma$ обозначает отсутствие равенства участников по степени активности / одушевленности. В конструкциях с Комитативом II выражаются отношения части и целого, вместилища и содержимого и некоторые другие [Володин 2005: 20–21]. Комитативы с корнями процессуальной семантики формируют деепричастия одновременного действия, которые, как и комитативы с корнями предметной семантики, фиксируются в конструкциях компрессионного типа [Там же: 24].

К группе комитативов примыкает предикатив «иметь», который оформляется тем же префиксом $\gamma a-$, но вместо циркумфиксальной части имеет личный показатель, поскольку употребляется только в предикативной функции, где снимается формальная противопоставленность между двумя комитативными формами [Volodin, Kämpfe 1995: 51–53]. Традиционно эти формы назывались формами лица обладателя предмета [Скорик 1961: 216–225].

1.2. Алюторский язык

В алюторском языке выявлен более широкий спектр синтетических средств выражения совместности.

В [Кибрик и др. 2000: 251–252] три имеющихся циркумфиксальных показателя распределяются следующим образом: циркумфиксы $\gamma a-$ – $-(t)a$ и $awən-$ – $-ma$ рассматриваются как показатели комитатива 1-го и 2-го склонения соответственно, а циркумфикс $\gamma eqə-$ – $-(t)a$ – как маркер ассоциатива 1-го склонения (в парадигме существительных 2-го склонения ассоциатив отсутствует).

Комитатив обозначает «дополнительного соучастника события, имеющего ту же роль, что и основной участник». Ассоциатив маркирует дополнительного участника события, имеющего «периферийную роль по отношению к основному участнику» [Там же: 255].

Ю. Нагаяма в отношении трех указанных циркумфиксов отмечает, что «пока не выяснены причины, по которым можно разделить их на два разных падежа» [2003: 60], поэтому относит их все к совместным падежам, используя цифровые индексы для их разграничения: $\gamma a-$ – $-(t)a$ – Совместный падеж 1, $\gamma eqə-$ – $-(t)a$ – Совместный падеж 2, $awən-$ – $-ma$ – Совместный падеж 3. По наблюдениям Ю. Нагаямы, формы Совместных падежей 1 и 2 не образуются от основ имен собственных, в то время как Совместный падеж 3 используется со всеми семантическими классами основ [Там же: 61].

Ю. Нагаяма также отмечает, что показатели Совместных падежей 2 и 3 при употреблении с основами глаголов образуют деепричастные формы, а показатель Совместного падежа 1 сочетается только с основами существительных [Там же: 61]. Первая часть этого утверждения бесспорна, а вторая его часть, на наш взгляд, не вполне соответствует действительности, так как показатель Совместного падежа 1 при глагольных основах также образует форму деепричастного типа, но с несколько иными функциями: она редко используется в зависимой части ППК, но частотна в простом предложении. Впрочем, в дальнейшем изложении отглагольные формы с циркумфиксом $\gamma a-$ – $-(t)a$ описываются самой Ю. Нагаямой именно как деепричастия [Там же: 118].

Префикс $\gamma a-$ от именных и глагольных основ также образует предикативные формы, которые оформляются личными показателями. Отыменные предикативы на $\gamma a-$ вместе с отыменными предикативами с суффиксом $-lʔ$ составляют группу проприетивов [Нагаяма 2014]. Однако для адекватного

сопоставительного анализа частотности синтетических и аналитических средств выражения комитативности мы привлекаем только непредикативные формы комитативов, поскольку конструкции с послелогом в предикативной функции не употребляются.

1.3. Корякский язык

В корякском языке в лингвистической литературе отмечается наибольшее количество синтетических форм выражения совместности – четыре.

А.Н. Жукова отводит сопроводительному падежу (комитативу) особое место в системе падежей корякского языка, поскольку, в отличие от других падежей, он имеет циркумфиксальный показатель (в ее терминологии – конфикс) и выражает отношение не между существительным и глаголом, а между двумя существительными.

По аналогии с чукотской грамматикой А.Н. Жукова предлагает разделить формы комитативов на совместные падежи (с циркумфиксами $\gamma e- / \gamma a- - (t)e / -(t)a$ и $\gamma e j q \partial- / \gamma a j q \partial- - (t)e / -(t)a$) и сопроводительные падежи (с циркумфиксами $\gamma a- - ma$ и $\gamma a w \partial n- - ma$) [1972: 120]. Разницу в семантике этих групп форм А.Н. Жукова объясняет степень связанности двух предметов: существительные в сопроводительном падеже обозначают предмет более тесно связанный с тем, о котором идет речь [Там же: 121].

1.4. Исконная семантика и функции комитативных форм

В исходной системе, вероятно, было по две комитативных формы. Первой из них появилась распороченная во всех трех языках форма с циркумфиксом $\gamma e- - te / \gamma a- - ta$, которая выражала свернутую пропозицию, отличающуюся от главной сниженным в рамках данного дискурса коммуникативным статусом актанта, как правило агенса. В типологической литературе именно эта функция комитатива рассматривается как собственно комитатив [Архипов 2009: 26–27]. Форма комитатива маркирует коагенса. Предикат маркируется множественным (в чукотском языке) или двойственным (в корякском, алюторском) числом.

(1) чук.; X50

Пэнинэмил кэргынкаав гэккэтэ нытэнныткунэнт... [Ятгыргын 1987: 115]

penine=mil qerynkaav γ =ekke=te nə=tennə=tku=qine=t
 прежний=ADV pers COM₁=сын=COM₁ IPF=смешной(?)=VBLZ.iter=3nsgS=PL
 ‘По-прежнему Кэргынкаав с сыном смеются...’

(2) кор., чавч., тиг.; X30

Эвнэто қоңрәң гетумге һөлвһ'ак кунһиңи... [Кеккетын 1936: 13]

ewnəto qoŋrəŋ γ e=tum γ =e Һөлвһ=ə=k ku=nŋu=ŋ=i
 pers всегда COM₁=друг=COM₁ стадо=E=LOC PRES=охранять=PFV=3duS.PFV
 ‘Эвныто все время с товарищем в стаде дежурят...’

(3) ал., с.-в., култ.; Ф50

То витга гав'в'авлинат гаһавһана рарау. [Вдовин 1955: тетр. 3, стр. 56].

to vitya γ =awwaw=lina=t γ a=ŋavŋan=a raga=ŋ
 и сразу PP=отправиться=3nsgS=DU COM₁=жена=COM₁ дом=DAT
 ‘И сразу отправились с женой домой.’

Конверб с показателем комитатива 1 практически не встречается в зависимой предикации, реализуется в простом предложении или главной части таксисных или условных ППК с зависимым предикатом в форме потенциалиса.

В чукотском языке инфинитная форма с показателем комитативного 1-го падежа не изменяется, она трактуется как особая неспрягаемая форма с безлично-увещательным значением, по функции близкая к финитной форме глагола в конъюнктиве [Скорик 1977: 166–169].

(4) чук.; Ф50

А'мын сантота, гэллэпыткус'ивэ, – ивнинэт ынпыначга нэнэнэт. [Ятгыргын 1963: 53]

ʔamən γ a=nto=ta γ e=ŋepə=tku=sqiv=e
 ой! CV.com₁=выйти=CV.com₁ CV.com₁=смотреть=ITER=PER=CV.com₁
 iv=nine=t ənrənaç γ =a nenene=t
 сказать=3sgA+3plP=PL старик=INSTR ребенок=ABS.pl
 ‘Ой, надо бы выйти, пойти посмотреть, – сказал старик детям.’

В корякском языке и северных диалектах алюторского языка оно имеет императивное значение и обладает некоторыми словоизменительными возможностями: присоединяет плюрализатор субъекта / агенса *-la* и / или префикс 1-го лица ед. ч. пациенса *ine-* / *ena-*.

(5) кор., чавч., тиг.; Х30

{Ekilu тьссалвьһнаw} <...> [jaqam gajallata qojəŋ]. [Кеккетын 1936а: 38]

ekilu мэ́=ча=lv=ə=ŋ=na=w

jaqam **ya=jal=la=ta**

если 1nsgA=POT=победить=E=PFV=3nsgP=PL

сразу

CV.com₁=приходить=PL=CV.com₁

qojəŋ

сюда

‘Если победим, сразу приходите сюда.’

(6) ал., с.-в., выв.; ФС

[Drusaŋ yinajoʔalata], {tətaviʕəŋ}. [Голикова 2006]

ŋru=saŋ **y=ina=joʔə=la=ta**

tə=ta=viʕə=ŋ

три=ADV **CV.com₁=1sgP=навестить=PL=CV.com₁**

1sgS=POT=умереть=PFV

‘Трижды навестите меня, (когда) я умру.’

В южных диалектах алюторского языка эта инфинитная форма также может присоединять префикс 1-го лица мн. ч. пациенса, но множественное число субъекта или агенса выражается не плюрализатором, а суффиксом *-kin* / *-ken*, сходным с личным показателем 2-го лица неед. ч. в парадигме финитного глагола.

(7) ал., ю.-з., лес.; ФС

Ҩәмдәдануэна гәвгүв 'в 'и гәла?улзивәткин. [Яганова 2006]

ŋ=ə=m|=ə|=aŋena

yəv=y=uwwi

ye=laʔu=lqiv=ə=tkin

QUAL=E=мелкий=E=3plS камень=ABS.pl

CV.com₁=увидеть=INCH-DUR=E=2plA

‘Мелкие камни ищите.’

Вторая из наиболее частотных форм различается по языкам: в чукотском она имеет более простую форму: циркумфикс *ya-* – *-ta* (COM₂), в корякском и алюторском – производную: циркумфикс *yawəp-* – *-ta* (COM₃). Ее основное назначение в исконных текстах – маркировка свернутых отношений обладания, части и целого. Такая функция комитативных форм называется копредикативной [Архипов 2009: 26–27].

(8) чук.; Ф00

К'ыневэр нанк'ычыко а'ачекк'ай гапойгыма нэлыгъэн... [Богораз 2004: 52]

qəpwer nanqə=čəko aʔačək=qaj **ya=pojyə=ma** ne=ʔu=yʔe=n

наконец живот=IN парень=DIM **COM₂=копье=COM₂** LowA=увидеть=ASP=3sgP

‘Наконец в животе нашли юношу с копьем...’ (Нашли юношу, у юноши было копье.)

(9) ал., с.-в., ан.; ФС

Тинга гатитʕаллин энҗин даҗицаʕ, авәнʔэсвечкама гатитʕаллин. [Чечулин 1992]

tinʕa **ya=titqal=lin**

əŋj=in

ʔaŋj=ŋaq

awən=svečka=ma

что PP=проглотить=3sgPэтот=REL.sg девушка=AUG

COM₃=свечка=COM₃

ya=titqal=lin

PP=проглотить=3sgP

‘Что ж, проглотил эту деваху, вместе со свечкой проглотил.’ (Проглотил деваху, у девахи была свечка.)

(10) кор., чавч., пал; ФС

Ҩэйль, кәчимат гакэв 'в 'алэнат. ЙэҨүэчг 'ам ʔәнпәүэвэ гав 'әнпойгәма ганатвэлэн. [Жукова 1988:

текст 9, предл. 125–126]

qej]

kəčima=t

ya=kəww=a(l)=lena=t

jaqcečham ənpə=ŋev=e

действительно почка=ABS.du PP=сухой=VBLZ=3nsgS=DU надо же! старый=женщина=INSTR

yawən=pojyə=ma ya=natvə=lin

COM₃=копье=COM₃ PP=занести=3sgP

‘Правда, пара почек высохших. Надо же! – старуха вместе с копьём (это) в дом внесла.’ (Внесла почки, почки были на копье.)

В чукотских переводных текстах форма комитатива 2 встречается также в качестве показателя конверба с семантикой одновременности.

(11) чук.; ХП50

[*Н'инк'эгни {гатанн'ыткома} ...лымынкыри ныгынтэвк'инэти*]. [Голубева 1950: 90]

ɲinqeɣ=ti **ya=tanŋ=ə=tko=ma** ɫəmənkeri

мальчик=ABS.pl **CV.com₂=смешной=E=VBLZ.iter=CV.com₂** везде

n=ə=yəntew=qine=t

IPF=E=бегать=3nsgS=PL

‘Мальчики, смеясь, везде бегали.’

В алюторском и корякском языках также частотна форма 4-го комитатива, имеющая функцию ко-предиката. Исконно эта форма обозначала свернутую пропозицию с семантикой одновременности. Имена, оформляющиеся таким циркумфиксом, имеют пропозитивный характер.

(12) кор., чавч., тиг.; Х30

Namalev'klyŋ lewtul'an, – ivi meki-ami gajqacacga. [Кеккетын 1936: 43]

na=mal=evəkl=ə=n lewt=u=lh=ə=n iv=i

CON=хороший=бить=E=3sgP голова=VBLZ.потреблять=ATR=E=ABS.sg сказать=3sgS.PFV

meki-ami **yajq=ačačy=a**

кто-навверное **COM₄=E=смех=COM₄**

‘«Будь он бит, едящий головки», – сказал кто-то со смехом.’

(13) ал., с.-в., кич.; ФС

Kəjavət'kən ŋavəs'jən, ŋvotkən aŋaŋtak gəžətərŋa. [Жукова 1988: текст 51, предл. 200]

kəjav=ə=tkən ŋav=ə=sŋ=ə=n ŋəvo=tkən aŋaŋta=k

проснуться=E=IPFV женщина=E=NMLZ=E=ABS.sg начать(ся)=IPFV петь=CV.loc

yəq=ə=terŋ=a

COM₄=E=плаксивый=COM₄

‘Просыпается женщина, начинает петь со слезами.’

В чукотском языке эта функция закреплена за комитативом 2:

(14) чук.; Ф50

Гак'олема нылек'ин этратчын'ын. [Беликов 1979: 119]

ya=kole=ma n=ə=le=qin etrat=čəŋ=ə=n

COM₂=звук=COM₂ IPF=E=идти=3sgSотряд=AUG=E=ABS.sg

‘С криком шла вражья сила огромная!’

Неизменяемый конверб на базе формы комитатива 4, который имеется в алюторском и корякском языках, реализуется только в зависимой предикации, выражая зависимое действие, одновременное с главным или предшествующее главному.

(15) кор., чавч., воямп.; ХС

Г'оячеко нльгигынкыџинэв' лыгэметг'аŋ комлав'лаŋ гайџыяйыткота. [Дедык 2009]

hojačək=o n=ə=|y|y=yənk=ə=qine=w

мужчина=ABS.pl QUAL=E=очень=довольный=E=3nsgS=PL

ləyə=metħa=ŋ ko=mlaw=la=ŋ **yajq=ə=jajaj=ə=tko=ta**

очень=красивый=ADV PRES=танцевать=PL=PFV **CV.com₄=E=бубен=E=VBLZ.iter=CV.com₄**

‘Мужчины очень довольные очень красиво танцуют, играя на бубнах.’

(16) ал., с.-в., кич.; ФС

{Гэџəллиткута} [*кукак наналџэткэна*]. [Жукова 1988: текст 52, предл. 31]

yəq=ə=?allitku=ta kuka=k na=ŋalq=ə=tk=ə=na

CV.com₄=E=скоблить=CV.com₄ котел=LOC LowA=класть=E=IPFV=E=3nsgP

‘Поскоблив, в котел кладут варить.’

В наших материалах также имеются примеры с особой формой комитатива, не описанной в работах по чукотско-корякским языкам: вместо финали *-te / -ta* она завершается усилительной клитикой *-ʔa*. Эта клитика самостоятельно не употребляется, встречается только в составных частицах.

Комитативный циркумфикс, включающий такую клитику (COM₅), может присоединяться к основам разных грамматических классов. Получившиеся формы со значением наличия предмета, качества или действия используются в ЗПЕ конструкций с семантикой ограничительной одновременности, осложненной причинным компонентом. Наличие предмета, качества или действия осознается говорящим как временное и требующее, пока оно имеет место, совершения или, наоборот, несовершения определенных действий. Сказуемое ГПЕ выражено либо имперфективной формой индикатива (обычное действие), либо формами или конструкциями императивно-прохибитивной семантики (желательное или нежелательное действие).

(17) ал., ю.-в., кар.; ФС

[...*уво́тъкэ́т таса́гсэ́нк*] {*гэ́нʔа*}. [Жукова 1988: текст 41, предл. 23]

ɲvo=ʔk=ə=t tasyseŋ=ə=k ʏ=ən=ʔa

начать(ся)=IPFV=E=PL суетиться=E=CV.loc COM₅=рыба=COM₅

‘...начинают суетиться, пока (идет) рыба.’

(18) ал., с.-в., выв.; ФС

{*Гайу́натʔа у́ну́у*} [*кэ́тэ́вэ антиру́авка*]. [Эхивнав 2004]

ʏa=junat=ʔa uŋuŋukətəvə a=n=tirŋ=av=ka

CV.com₅=жить=CV.com₅ ребенок не надо CV.neg=CAUS=плаксивый=VBLZ=CV.neg

‘Пока жив ребенок, не надо заставлять (его) плакать.’

Остальные зафиксированные в текстах формы (COM₆ и COM₇) представляют собой единичные и, возможно, некорректные комбинации префиксов и постфиксов.

2. Аналитические комитативные конструкции

Кроме синтетических форм отношения комитативности выражаются также аналитической конструкцией: в чукотском языке – с послелогом *reen* ‘вместе с’, в корякском и алыторском – с адпозитивным наречием *отакан / утакан* ‘вместе’, которые управляют формой локатива опорного имени. Отсутствие материального сходства между лексемами свидетельствует об инновативном характере данной аналитической конструкции, которая появилась уже после распада чукотско-корякской языковой общности.

Аналитическая конструкция по семантике сходна с первым комитативом, отличаясь от него по употреблению только с высокореферентными именами: личными именами и местоимениями. На это свойство аналитической комитативной конструкции в отличие от синтетической формы комитатива указывали исследователи чукотско-корякских языков. Так, еще В.Г. Богораз отмечал, что чукотский комитатив не употребляется с именами, обозначающими людей, для которых используется конструкция с послелогом *reen* [Bogoras 1922: 793–794]. В работе М. Данна также упоминается конструкция с ассоциативным послелогом *reen* ‘вместе с’, который используется для обозначения людей в сопровождении людей. М. Данн демонстрирует возможность дистантного расположения данного послелога по отношению к опорному имени, и подчеркивает, что его самостоятельное, наречное, употребление в текстах не встречается [Dunn 1999: 78].

(19) чук.; ХП50

Володя Саи́ана рэ́эн ганы́мытвален. [Ульянова 1953: 33]

volodja saša=na reen ʏa=nəmə=twa=len

pers pers=LOC.sg вместе PP=поселок=VBLZ.res=3sgS

‘Володя жил с Сашей.’

Действительно, в чукотском языке в приименном функционировании наблюдается практически полная грамматикализация послелого *reen*. В качестве предлога это слово не встречается. В текстах В.Г. Богораза и в художественных текстах 1950-х гг. имеются редкие примеры его самостоятельного употребления, но, скорее, не как сирконстанта, а в качестве межфразовой скрепы.

(20) чук.; Ф00

Ы'твыгэн'ныгитэк'ин, эвыр-ым гэйыр'этлин ы'тв'эт, янр'атвыйн'ын, р'ээн ун'эл. [Богораз 2004: 185]

ʔətwə=yeŋ nə=ɣite=qin ewəŋ-əm ɣe=jəŋʔet=lin ʔətwʔet

лодка=SUB IPF=смотреть=3sgP и PP=наполнить=3sgP лодка

janŋ=ʔətwə=jŋ=ən **reen** unʔeɬ

отдельный=лодка=AUG=ABS.sg **вместе** лахтак

‘Посмотрел на дно лодки – лодка наполнена, отдельная большая лодка, к тому же (есть) лахтак.’

(21) чук.; X50

Р'ээн ыр'гынан нывынуо'энат ʒутти в'ильым эюльым. [Ятгыргын 1987: 99]

reen əŋɣə=nan nə=tvə=ŋŋo=qena=t qut=ti vʔi=ɬʔ=ət

вместе они=ERG IPF=рассказать=INCH=3nsg=PL другой=ABS.pl умереть=ATR=ABS.pl

eju=ɬʔ=ət

оживать=ATR=ABS.pl

‘К тому же они начали рассказывать о некоторых оживших мертвецах.’

В корякском языке все комитативные формы зафиксированы только у слов 1-го склонения (нарицательные имена). Значение совместности для слов 2-го склонения (личные имена и названия ближайших старших родственников) в корякском языке исконно передавалось конструкцией с наречием «послеложного значения» *omakaŋ* ‘вместе’ или сочетанием личного местоимения и личного имени [Жукова 1972: 119]. Наблюдение о том, что послелог *omakaŋ* ‘вместе’ употребляется только с существительными, обозначающими человека, было высказано А. Н. Жуковой и в более поздних публикациях [1974: 162].

(22) кор., чавч., тиг.; X30

Евн'этонак омакаŋ jetti Wujw'kin ujemte'vɬ'an... [Кеккетын 1936: 72]

ewŋəto=na=k omakaŋ jet=ti wujw=ə=kin hujemte'wəɬh=ə=n

pers=SG=LOC вместе приехать=3sgS.PFV pers=E=REL.sg человек=E=ABS.sg

‘Вместо с Эвныто приехал тигильский человек.’

(23) ал., с.-в., култ; Ф50

Асиги ʒəт'ымма гыныкки умакаŋ м'уна'тыл'ʒи... [Вдовин 1955: тетр. 6, с. 122-123].

asɣi qətəmmə ɣən=ə=kkɪ **umakaŋ** m=ə=junat=ə=lqi

теперь ни за что **ты.OBL=E=LOC вместе** 1sgS=E=жить=E=INCH-DUR

‘Теперь я с тобой ни за что не буду жить.’

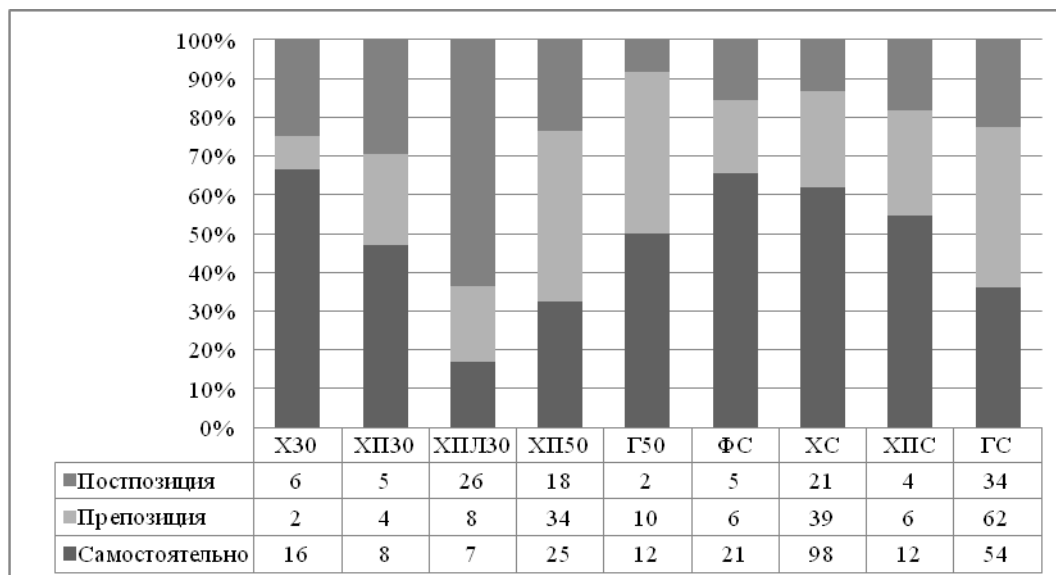
Аналитическое средство выражения комитативности *omakaŋ* ‘вместе’ в корякском языке не является послелогом, оно относится к адпозитивным наречиям, так как возможно и в самостоятельном употреблении, как в качестве сирконстанта при глаголе, так и в качестве межфразовой скрепы, а также в приименном употреблении в разных позициях по отношению к опорному имени.

В оригинальных художественных текстах 1930-х гг. зафиксировано преимущественно самостоятельное употребление наречия *omakaŋ* ‘вместе’ (более 65 % употреблений), около 25% приходилось на постпозитивное употребление, менее 10 % – препозитивное. Переводы К. Кеккетына показывают, что влияние русского языка в этой подсистеме проявляется в усилении приименного функционирования наречия *omakaŋ* ‘вместе’. В переводах лингвистов *omakaŋ* преимущественно встречается в постпозитивной функции (более 60 % употреблений), что, вероятно, свидетельствует о гиперкорректном употреблении в целях закрепления за данным словом основной функции послелого. Однако, как показывают материалы послевоенного периода, отсутствие интенсивной нормализаторской деятельности продемонстрировало, что направленной тенденции в сторону грамматикализации одной из приименных позиций у наречия *omakaŋ* нет. В современных фольклорных текстах аналитическая конструкция употребляется редко, без явного предпочтения пре- или постпозиции

наречия *omakaŋ*. Превалирование препозиции отмечается в художественных текстах и, гораздо более значительное, – в газетных публикациях, в которых влияние русского языка проявляется сильнее.

Диаграмма 1

Функционирование адпозитивного наречия *omakaŋ* ‘вместе’ в текстах на корякском языке

В алуторском языке препозитивное употребление наречия *umakaŋ* ‘вместе’ также возможно, но, поскольку комитативная аналитическая конструкция в текстах единична, то о каком-либо предпочтении говорить не приходится.

3. Соотношение частотности различных средств выражения комитативности в текстах

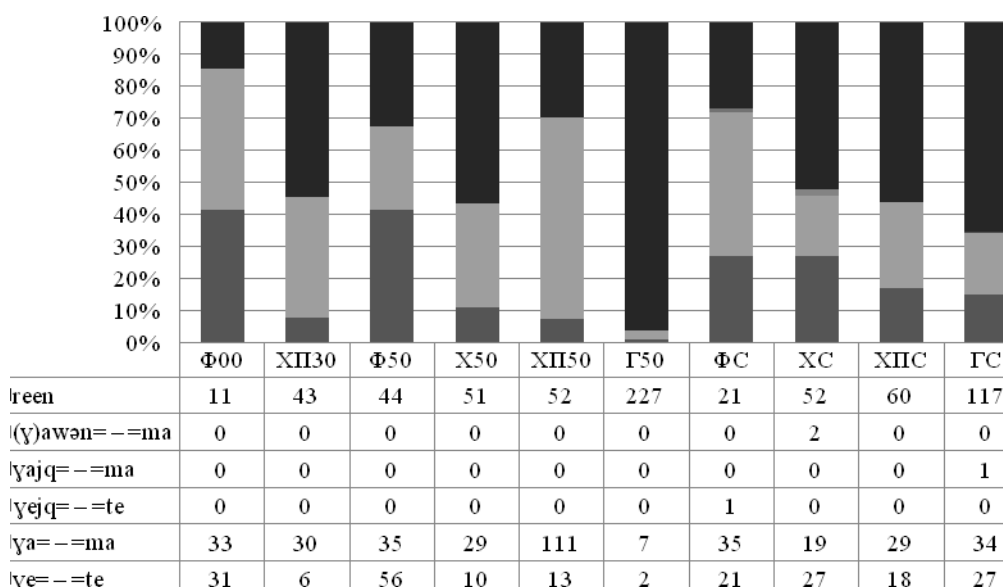
Частотность синтетических и аналитических средств выражения комитативности в чукотском языке в пределах каждого периода целиком и полностью определяется типом дискурса (диагр. 2): наиболее частотны синтетические средства в фольклорных текстах, далее по убывающей – в художественных оригинальных текстах, художественных переводных текстах и, наконец, в газетных публикациях.

Послевоенный период характеризуется резким, почти на 20 %, увеличением частотности аналитических средств в фольклорных текстах, что является проявлением влияния русского языка, в котором комитативность передается предложной конструкцией. Подтверждением этому является более значительное перераспределение частотности в сторону аналитических средств в письменных жанрах: переводных художественных и особенно газетных. Современные тексты демонстрируют реверсивные изменения в сфере частотности синтетических и аналитических комитативных конструкций: во всех жанрах частотность синтетических средств возросла, хотя и не достигла уровня довоенных текстов.

Частотность конструкции с послелогом в чукотском языке растет как в абсолютном исчислении, сама по себе, так и в относительном плане: усиление аналитики поддерживается уменьшением роли комитатива 1, поскольку он стал восприниматься как полный синоним послеложной конструкции с *reen* ‘вместе с’. Исконная трехчленная иерархия референтности (высокореферентные лица – низкореферентные лица – не-лица) размывается русской оппозицией одушевленности-неодушевленности.

Кроме вытеснения форма комитатива 1 на *ye-* – *-te*, в чукотском языке происходит разрушение всей системы комитативных отношений, что приводит к безразличному употреблению комитативных форм и послеложной конструкции с разными группами одушевленных и неодушевленных имен. В особенности это характерно для переводных текстов.

Употребление комитативных форм и конструкций в чукотском языке

(24) чук.; ХП50

Мачынан н'откэн манэтайчгын гаманэта ныпэлятын мигчирэтылык... [Толстой 1949: 45–46]

mačənan ɲot=ken maneta=jočy=ən ʎa=manet=a
 пусть этот=REL.sg деньги=вместилище=ABS.sg COM₁=деньги=COM₁
 nə=peɭa=t=ən mičiretə=ɪʔ=ək
 3S.OPT=оставить=VBLZ=3sgS работать=ATR=LOC
 'Пускай этот кошелек с деньгами останется у работника...' (должен быть комитатив 2)

(25) чук.; ХП50

Гым гачакэттомгыма нытвайгым к'улирэлжук... [Ульянова 1953: 33]

ʎəm ʎa=čaket=tomyə=ma nə=twa=jyəm quli=re=lku=k
 я COM₂=сестра=друг=COM₂ IPF=находиться=1sgS другой=дом=IN=LOC
 'Я с сестрой была в другой комнате...' (должен быть комитатив 1)

(26) чук.; ХП50

(Иины кутыскучетги, кытгын татгэ ытоочагты), ынин налгын'ойн'ын выквык рээн пэлятгэ. [Меновщиков 1948: 50]

ən=in nalyə=ə=ɲojɲ=ə=n wəkʷ=ə=k reen
 он=POSS.sg шкура=E=хвост=E=ABS.sg камень=E=LOC вместе
 peɭa=t=yʔe
 оставить=VBLZ=3sgS.PFV
 '(Волк вскочил, побежал вперед), его хвост с камнем остался.' (должен быть комитатив 2)

У чукотской послеложной конструкции под влиянием русского языка также появилась несвойственная ей функция выражения адресата при глаголах говорения, которые исконно управляли лативом.

(27) чук.; X50

Бтлэн Бэргынкаавын ытлыгык рээн горавэтгавлен. [Ятгыргын 1987: 62]

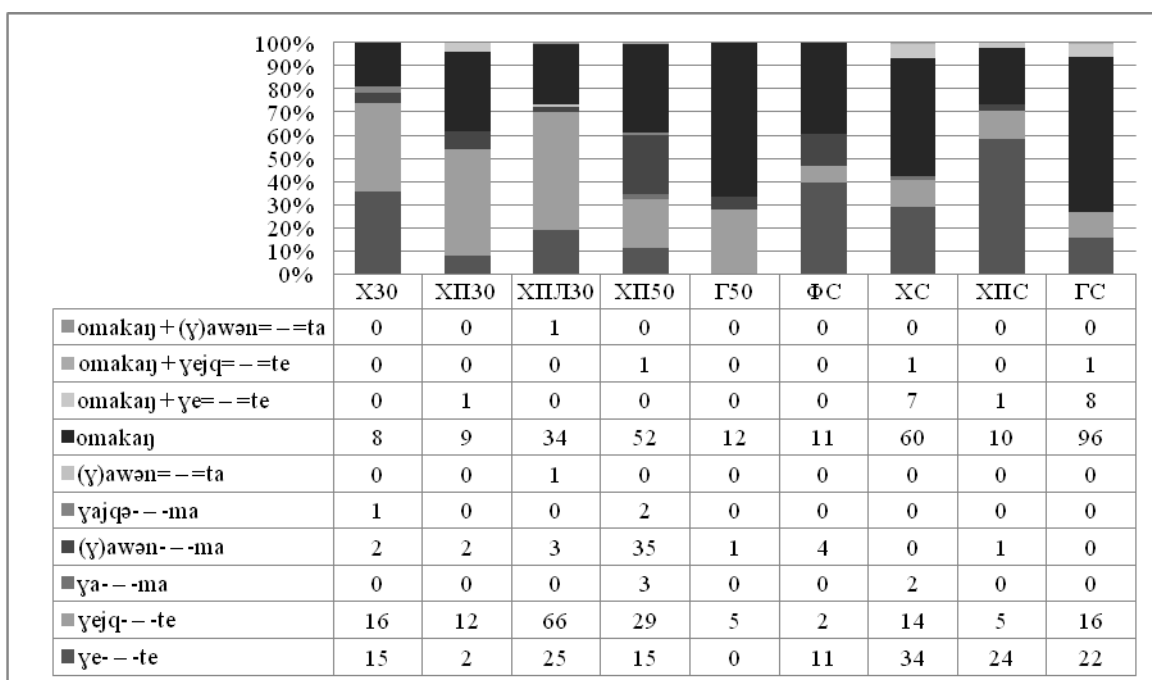
ətɭən qerɣənkaav=ən ətləy=ək reen ʎ=ora=wetyaw=ɭen
 он.ABS.sg pers=POSS.sg отец=LOC вместе PP=долгий=разговаривать=3sgS
 'Он долго разговаривал с отцом Кэргынкаава.'

(28) чук.; Ф00

Тын'агыргэты, Гырголягты нывэтгавк'эн. [Богораз 2004: 226]

təɲa=yəɣy=ətə ʎəɣyɭa=ytə nə=wetyaw=qen
 светать=NMLZ=LAT верх=LAT IPF=разговаривать=3sgS
 'С Рассветом, Верховным (божеством) разговаривал.'

Употребление комитативных форм и конструкций в корякском языке

Ситуация в корякском языке отличается нестабильностью и отсутствием однонаправленной тенденции (диагр. 3). В исходной системе, зафиксированной в повестях К. Кеккетына в 1930-е гг., примерно равной высокой частотностью отличались две формы (СОМ₁ и СОМ₃), две другие были единичны. Период языкового строительства и в некоторой степени послевоенный период, судя по газетным текстам, связан с попыткой выведения на передний план формы комитатива 4. Однако эта попытка успехом не увенчалась, поскольку все современные тексты демонстрируют устойчивую частотность более простой формы комитатива 1.

Частотность конструкции с адпозитивным наречием в течение века заметно возросла, в современных фольклорных текстах она составляет 40 % в сравнении с 20 % в художественных текстах 1930-х гг. В современных художественных и особенно газетных текстах аналитические комитативные конструкции преобладают.

Особенностью письменных жанров корякского языка является употребление усложненных конструкций, содержащих как синтетический комитатив, так и адпозитивное наречие *omakaŋ* ‘вместе’, которые являются полной структурной калькой русской конструкции *вместе с кем-либо*. Отмечены следующие контаминации с разными формами синтетических комитативов.

(29) кор.; ГС

...ынно г'опта *omakaŋ gaqlavola* янот *vetatə* *ŋelvəlɬə=k*
 онно *hopta omakaŋ ya=qlavol=a janot vetat=e ŋelvəlɬə=k*
 он тоже вместе СОМ₁=муж=СОМ₁ раньше работать=3sgS.PFV табун=E=LOC
 ‘Она тоже вместе с мужем раньше работала в табуне.’

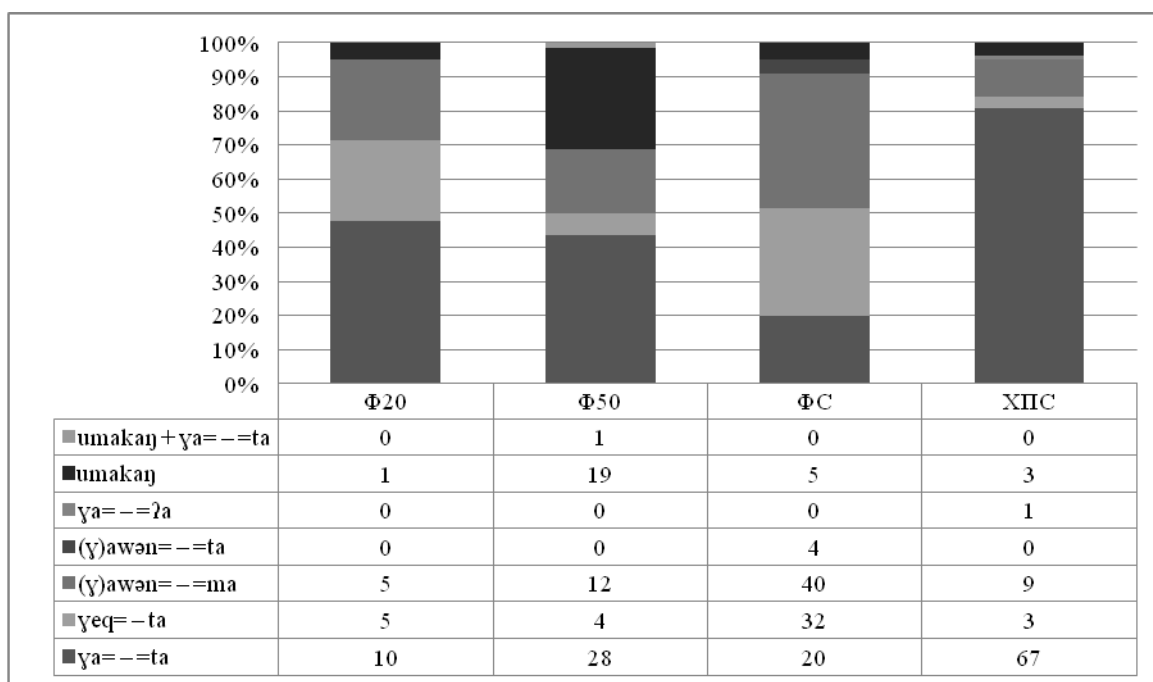
В текстах 1920-х гг. на алюторском языке (диагр. 4) из трех зафиксированных форм основной синтетической формой выражения комитативности была форма с циркумфиксом *ya- - (t)a* (около 50 % употреблений), две другие формы были гораздо менее частотными (около 25 % употреблений). В современных фольклорных текстах на алюторском языке преобладает форма с циркумфиксом *yawəŋ- -ma*, а частотность формы комитатива 1 снизилась более чем в 2 раза. Современные переводные тексты, наоборот, демонстрируют вытеснение периферийных, по мнению переводчиков, форм и замещение их исконно самой частотной формой.

Что касается соотношения частотности синтетических и аналитических средств выражения комитативности, то алюторский язык в этом отношении отличается как от чукотского, так и от корякского языков тем, что аналитика в этой сфере для него почти не характерна. Всплеск употребительности аналитической комитативной конструкции в 1950-е гг. сменился устойчивой современной ситуацией,

которая очень близка к тому, что зафиксировано в текстах начала века: частотность аналитической конструкции не достигает и 5 % общего числа употреблений комитативных конструкций.

Диаграмма 4

Употребление комитативных форм и конструкций в алюторском языке

Выводы

В чукотско-корякских языках имеются синтетические формы и аналитические конструкции с функциями собственно комитатива и копредикатива. Под влиянием русского языка в чукотском и корякском языках отмечается возрастание частотности аналитических комитативных конструкций. Наряду с ростом аналитизма в системе выражения комитативных отношений во всех чукотско-корякских языках наблюдается общее разрушение функционального распределения форм и конструкций: как формы, так и аналитические конструкции начинают использоваться в прежде несвойственных им функциях, появляются контаминации префиксов и постфиксов, отсутствовавшие в исконной системе, комитативные формы комбинируются с адпозитивным наречием.

Архипов А.В. Типология комитативных конструкций. М.: Знак, 2009. 296 с.

Богораз В.Г. Чукотский язык // Языки и письменность на родов Севера. М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1934. Ч. III: Языки и письменность палеоазиатских народов / Под. ред. Е. А. Крейновича. С. 5–46.

Володин А.П. Диахроническая модель чукотско-корякской грамматической системы и сопоставление с данными ительменского языка: Рукопись. Leipzig, 2005. 130 с.

Володин А.П., Скорик П.Я. Чукотский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1997. С. 23–39.

Жукова А.Н. Грамматика корякского языка. Л.: Наука, 1972.

Жукова А.Н. Склонение имен существительных в паланском, карагинском и алюторском диалектах корякского языка // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974. С. 62–66.

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Муравьева И.А. Язык и фольклор алюторцев. М., 2000.

Нагаяма Ю. Очерк грамматики алюторского языка. Kyoto, 2003. 314 с.

Скорик П.Я. Грамматика чукотского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Ч. 1: Фонетика и морфология именных частей речи. 448 с.

Скорик П.Я. Категория имени существительного в чукотско-камчатских языках // Палеоазиатские языки. Л.: Наука, 1986. С. 76–111.

Bogoras W. Chukchee // Boas, F. Handbook of American Indian Languages. Washington, 1922. P. 2. Pp. 631–903.

Dunn M. A Grammar of Chukchi. Doctoral thesis (manuscript). Australian National University. 1999. 386 p.

Kämpfe, H.-R., Volodin, A. P. Abriss der Tschuktschischen Grammatik auf der Basis der Schriftsprache. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1995. 146 p.

Условные сокращения

Языки: ал. – аллоторский; кор. – корякский; чук. – чукотский.

Диалекты: с.-в. – северо-восточный; ю.-в. – юго-восточный; ю.-з. – юго-западный; чавч. – чавчувенский.

Говоры: ан. – говор с. Анапка; воямп. – говор с. Воямполка; выв. – говор с. Вывенка; кич. – говор с. Кичига; култ. – говор с. Култушное; лес. – говор с. Лесная; пал. – говор пос. Палана; тиг. – говор с. Тигиль.

Текстовые источники: **Беликов 1979** – Беликов Л.В. Лымн'ылтэ: Чукотские народные сказки и предания. Магадан: Кн. изд-во, 1979 (2-е изд.); **Богораз 2004** – Чукотские мифы и фольклорные тексты, собранные В.Г. Богоразом (The Chukchi Myths and Folklore Texts collected by Vladimir Bogoraz. Retranscribed, checked and translated into French by Charles Weinstein). Kyoto, 2004; **Вдовин 1955** – Архивные материалы И.С. Вдовина. Хранятся в научном архиве Института этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера), г. Санкт-Петербург; **Голикова 2006** – Голикова Татьяна Николаевна (1937 г.р., с. Анапка). Записано экспедицией Института филологии СО РАН, пос. Палана, 2006 г. Расшифровано А.А. Мальцевой при участии В.М. Кириченко, пос. Оссора, 2007 г.; **Голубева 1950** – Голубева А. Пын'ылтэлтэ Сережа Костриковын нымывагыргыкэн (Рассказы о Сереже Кострикове): Пер. на чукотский яз. Ю. Рытхеу / Под ред. Т.А. Молл. Л.; М., 1950; **Дедык 2009** – воспоминания Екатерины Ивановны Дедык (1932 г.р., с. Воямполка); **Жукова 1988** – Жукова А.Н. Материалы и исследования по корякскому языку. Л., 1988; **Кеккетын 1936** – Кецай Кеккетын. Эвныто-батрак (Ewnyto val'an). Л., 1936; **Кеккетын 1936а** – Кецай Кеккетын. Последняя битва (Vatqyl'an klyewcit). Л., 1936; **Меновщиков 1948** – Лымн'ылтэ (Сказки) / Сост. и пер. с эскимосского на рус. яз. Г.А. Меновщикова; Пер. на чукотский яз. Уваува. Л., 1948; **Народовластие** – приложение *Айгыт'ылг'у* 'Северяне' газеты «Народовластие», издающейся в Корякском автономном округе; **Толстой Л. 1949** – Толстой Л.Н. Рассказы из «Азбуки» (Пын'ылтэлтэ «Азбукайпы»): На чукотский яз. пер. Уваува. Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1949; **Ульянова 1953** – Ульянова А.И. Детские и школьные годы Ильича (Н'эньлыатгыргын ынк'ам калеткогыргын Ильичын): Пер. на чукотский яз. Л.В. Беликова / Под ред. П. Скорика. М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1953; **Чечулин 1992** – Чечулин Василий Николаевич (примерно 1942 г.р., с. Анапка). Записано совместной экспедицией Института филологии СО РАН и Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки, пос. Оссора, 1992 г. Расшифровано А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой, г. Новосибирск, 2004 г.; **Эхивнав 2004** – Эхивнав Елизавета Андреевна (1944 г.р., с. Вывенка). Записано экспедицией Института филологии СО РАН, с. Вывенка, 2004 г. Расшифровано А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой, г. Новосибирск, 2004 г.; **Яганова 2006** – Яганова Екатерина Григорьевна (1943 г.р., с. Лесная). Записано экспедицией Института филологии СО РАН, с. Лесная, 2006 г. Расшифровано А.А. Мальцевой при участии Е.Г. Ягановой, пос. Палана, 2007 г.; **Ятгыргын 1963** – Лымн'ылтэ эйгыск'ыкин (Северные сказки). Гэнумэкэвлинэт В. Ятгыргына. Магадан: Кн. изд-во, 1963; **Ятгыргын 1987** – Ятгыргын. А'ачек гавантолен а'џавагыргэпы (Судьба мужчину не балует). Магадан: Кн. изд-во, 1987 (2-е изд.).

Грамматические значения в глоссах: 1, 2, 3 – лицо; А – агенс; ABS – абсолютив; abstr – абстрактный; ADV – наречие; ASP – аспектуальный показатель неясной семантики; ATR – атрибутив; AUG – аугментатив; CAUS – каузатив; COM – комитатив; CON – конъюнктив; CV – деепричастие (конверб); CV.com – комитативный конверб; CV.loc – локативный конверб; CV.neg – отрицательный конверб; DAT – датив; DIM – диминутив; DU, du – двойственное число; E – эпентетический гласный; ERG – эргатив; IN – локализация 'в'; INCH – инхоатив; INCH-DUR – инхоатив-дуратив; INSTR – инструменталис; IPF – имперфект; ITER, iter – итератив; IPFV – имперфектив; LAT, lat – латив; LOC, loc – локатив; LowA – агенс, находящийся на нижней ступени иерархии активности; NMLZ – номинализатор; nsг – неединственное число; OBL – косвенная основа; OPT – оптагив; P – пациенс; PER – перергинатив; pers – собственное имя; POT – потенциалис; PP – причастие прошедшего времени; PFV – перфектив; PL, pl – множественное число; POSS – посессивное прилагательное, местоимение; PRES – презенс; QUAL – качественное прилагательное, наречие; red – редупликация; REL – относительное прилагательное; RES, res – результатив; S – субъект; SG, sg – единственное число; SUB – локализация 'под'; Tn – основа имени; Tv – основа глагола; VBLZ – вербализатор; [...] – границы ГПЕ; {...} – границы ЗПЕ.

Типы текстов: Г50 – газетные тексты 1950-х гг.; ГС – современные газетные тексты; Х30 – оригинальные художественные произведения 1930-х гг.; ХП30 – переводы носителей корякского и чукотского языков 1930-х гг.; ХПЛ30 – переводы лингвистов 1930-х гг.; ХП50 – переводы носителей корякского и чукотского языков 1950-х гг.; Ф00 – фольклорные тексты, записанные в начале XX в.; Ф50 – фольклорные тексты, записанные в 1950–1960-е гг.; ФС – современные фольклорные и бытовые тексты; ХПС – современные переводы носителей корякского языка; ХС – современные художественные произведения.